

СЛОВО О МАТЕРИ

У ЧЕЛОВЕКА—одна мать. И все же скажу — у каждого из нас две матери! Мать, давшая тебе жизнь, вспоившая тебя молоком, протянувшая тебе руку, чтобы ты сделал свой первый шаг, вырастившая, воспитавшая тебя. И мать—Родина, давшая тебе свои песни, сказки и предания, героическую историю, славное настоящее и великое будущее, воспитавшая в тебе святыне чувства патриотизма и любви к народам-братьям, вспоившая тебя своими родниковыми водами, протянувшая тебе руку, чтобы ты, постоянно ощущая животворную силу и тепло ее, мог бы уверенно идти по жизненному пути — от малых высот к новым высотам, к вершинам... Мама и Родина-мать — эти понятия едины, они сливаются в твоем сердце в священное и нерасторжимое целое.

Тепло материнской руки... Я ощущал его в эти дни, когда был среди делегатов XXVI съезда родной партии в Кремлевском Дворце съездов, когда взволнованно слушал полный глубоких мыслей Отчетный доклад ЦК КПСС, с которым выступил Леонид Ильич Брежнев, выступления делегатов съезда, приветствия зарубежных гостей. И я ощущал сердцем, какое горячее чувство гордости, охватывало бы мою маму... Кто сказал, что наши мамы стареют, уходят? Матери — бессмертны, они продолжают жить в наших сердцах, в детях наших, внуках и правнуках. Они бессмертны, как бессмертна и вечна могучая наша Родина-мать, молодеющая и все более расцветающая год от года, от пятилетки к пятилетке!

Ведь все, о чем говорилось с высокой трибуны съезда, шло от сердца к сердцу, все было освещено великой заботой и любовью к человеку, все вселяло надежды на прекрасное

будущее человечества, веру в победу дела мира и человеческого разума. Да, фактически наш съезд занимался «планированием человеческого счастья», как сказал однажды Леонид Ильич о существе партийной работы. И думаю, сходные чувства испытывали все, кто был в том величественном зале: рядом с нами были наши матери и отцы, близкие, родные и знакомые, миллионы и миллионы советских людей, весь наш народ, все его поколения — революционеров, борцов, строителей, защитников, первооткрывателей целины, созидателей сегодняшней нашей нови... Какая великая сила вставала за каждым из нас!

И когда в едином порыве поднимался весь огромный зал Кремлевского Дворца съездов, рядом со мной незримо был старший брат мой Рахимберген, ушедший в 1941 году добровольцем на фронт, и мама моя, вечная труженица, все годы после войны ждавшая его, до самой последней минуты: ведь было же, было такое, что семьи получали похоронки, а солдаты возвращались живыми к матери своим, а одна семья (факт, известный всем благодаря документальному кино) даже три похоронки за четыре года получила, трижды оплакала сгоревшего в боевой машине танкиста, а он и ныне жив и трудится на славу!

С трибуны съезда речь шла о сегодняшней нашей жизни, о достижениях и успехах, о нерешенных еще проблемах и о планах на будущее, а в моем воображении развертывалась «кинолента» пережитой жизни. Всякое в ней было: и трудности хватало на долю нашему поколению, и тяжких забот, легших и на хрупкие женские плечи на мамины плечи...

Отца я не помню: было мне два года, когда он не ожи-

Идрис НОГАЙБАЕВ,
народный артист
Казахской ССР,
лауреат Государственных
премий СССР, делегат
XXVI съезда КПСС

данно умер. Мать осталась с двумя ребятишками. Работала сначала в зерносовхозе под Алма-Атой, потом — землекопом. И грамотами ее награждали, и премировали, а однажды уж совсем необычно отметили — к радости нам, ребятишкам, — мама наша сделала «круг почета» на самолете — У-2 тогда в новинку были, — увидела Алма-Ату с высоты птичьего полета. А потом, когда стало плохо с сердцем, перешла работать уборщицей. Говорила, любой труд почетен, если трудишься с душой, ради людей. И трудилась: от зари до зари. Когда только успевала и работать, и нас воспитывать, ума не приложу! Когда брат ушел на фронт, на меня, десятилетнего мальчишку, легли все мужские обязанности по дому: после школы к колонке за четыре квартала за водой с ведрами сбежать, нарубить саксаул для печки, полы вымыть. Все по точному расписанию — от и до. Так мама приучила. Детство есть детство: и впроголодь, и в холод, и в заботах, а все же оставалось время и для светлого.

ЛЕТОМ мама послала меня на каникулы к дальним родственникам в Куртинку. Вместе с их сыном Гаухаром мы день и ночь пасли коров у поймы реки Курты. День-два — это еще получаешь удовольствие. Но «отдых» тот был тоже трудом. Да еще каким! Жара — в тени свыше сорока градусов. Красные пески вокруг — как пекло. Даже речка не выдерживала, с полудня до четырех часов дня она словно пряталась от палящего солнца в своем ложе, на глазах мелела, а к ночи наби-

рала вновь свою силу. Днём и мы прятались — под серой скалой, где было небольшое углубление в пересыхающей реке и куда пряталась на те жаркие часы рыба, не успевшая уйти вниз по течению. Мы ее ловили прямо руками. И выхватывали из воды змей, раскручивали за хвост, будто фашистских гадюк, бросали на камни. Много страдали от их укусов — да от скорпионов и каракутов — люди и животные... А в самый солнцепек, укрывшись под скалой, играли «в камешки». Нечто похожее есть в играх и российских ребятишек, подбрасываешь камешки на ладони и ловишь другой стороной руки: «Сколько — ешь? Сколько — пьешь? Сколько — людям отдаешь?». Так вот, это последнее, сколько отдаешь людям, было мерилом нашей нравственности: каждому из нас хотелось, чтобы в этом-то случае на руке задержалось больше камушков. Никто не хотел прослыть жадным, думающим только о себе...

Да, никто из нас и не думал о себе. Может, потому так и любили люди маму мою, ласково звали тетей Розой, хотя имя у нее было — Кулсун, что означает примерно: «Пусть всегда смеется». А мне дали имя — Идрис, созвучное «Орасу» — «дарящий счастье». Но, ох, как же редко улыбалась мама в те трудные годы! И как хотелось, чтобы улыбка осветила бы ее лицо — оно становилось тогда прекрасным. И вот тайком от мамы я выучился сапожному ремеслу, и первые тапочки из кожи — чувяки я сшил маме к 8 Марта. Она вначале не поверила, а когда убедилась, что подарок сделан моими руками, обняла меня и улыбнулась сквозь слезы. Может быть, в тот день я хоть чуть-чуть оправдал свое имя? И потом, когда мы жили в

Алма-Ате рядом с базаром, я стал чистильщиком сапог, зарабатывал мелочь, копил ее, чтобы купить маме к празднику платок, увидеть светлую ее улыбку...

Теперь, когда у меня самого взрослые дети, я понимаю, почему мама так радовалась тем моим подаркам. Все они были сделаны или куплены на честно заработанные мною деньги. Это были не те подарки, как ныне, — пошел в магазин, купил, отдал... Все просто. Но в те скромные подарки, именно мои, я действительно вкладывал себя, свою душу, свою любовь. И сегодня, как мама когда-то, радуюсь, когда вижу подарок, «сработанный», сделанный каким-нибудь мальцом к празднику родителей...

Простая и не очень-то образованная женщина, мама мудро подводила меня к великой истине: счастливым можно быть, лишь дая счастье другим. Жилось нам, впрочем, как и всему народу, вынесшему жесточайшую войну, нелегко в те первые послевоенные годы. Но когда я пошел учиться на актера в Алма-Атинское театральное-художественное училище, мама одобрила. Наверное, она предвидела, что эта профессия позволяет человеку чаще дарить радость людям. По окончании учебы нас, большую группу казахов — выпускников училища, пригласили в Москву на съемки фильма «Алитет уходит в горы». Те дни, встречи с прекрасным мастером кино Марком Донским, поездки на съемки в район Мурманска, а затем в Одессу до сих пор незабываемы. Слово раздвинулись горизонты нашей жизни, и мы воочию почувствовали масштабы великой Большой нашей Родины — от Белого моря до Черного. Мы впервые прикоснулись к настоящему искусству, осознали на практике ответ-

ственность и сложность нашего актерского труда. И когда всех нас пригласили продолжить учебу в Москве, в казахской студии ГИТИСа, у лучших русских педагогов, я поехал в Алма-Ату к маме, чтобы посоветоваться. Несмотря на свою болезнь, она настояла: «Нет, сынок, поезжай! Не думай обо мне. Я буду тебе помогать. Я вижу, перед тобой раскрывается большой человеческий путь. Разве может мать стать против счастья сына!..»

В ЭТИ ДНИ, воодушевленный решениями XXVI съезда партии, всем ходом работы исторического форума коммунистов нашей страны, с благодарностью думаю о великой Родине-матери, давшей мне, полусироте — сыну уборщицы, если хотите, бывшему подпаску, сапожному подмастерью буквально все — и новую жизнь, и любимую работу, и право быть коммунистом, и высокое звание народного артиста республики, и высокую честь быть делегатом XXVI съезда КПСС. Думаю об этом и невольно ощущаю тепло родных материнских рук. Могла ли она, моя мама, знать, какое будущее ожидало ее сына? И убеждаюсь: да, могла! Ибо, отпуская меня тогда в Москву, она знала, что у меня есть великая Родина-мать, верила, что и там, в далекой Москве, я буду ощущать тепло материнских рук, заботу, нежность и любовь разных людей, смыслом жизни которых стало — дарить счастье другим. Эту народную мудрость исповедовали все мои педагоги по ГИТИСу. Эту мудрость я почувствовал и в драматургии Горького, когда играл в выпускном спектакле Егора Булычова. И потом не раз, уже на сцене Академического казахского театра драмы имени М. Ауэзова, я возвращался к разным ролям в его пьесах. А недавно мне повезло участвовать в спектакле «Леонид в 1918 году» прикоснуться к великому образу самого писателя-гуманиста, патриота и интернационалиста, оказавшего огромное влияние на все многона-

циональное советское искусство и литературу, — к образу Максима Горького. Это он писал, что лучшая радость для поэта — «радость быть близким народу своему» и что «бессмертен Поэт, чьи песни — трепет сердца его Народа».

Об этом вспомнилось сейчас. Какие человеческие судьбы, какие прекрасные характеры довелись мне видеть в дни работы съезда! Поистине все они — это золотой фонд партии, золотой фонд народа. И я бы добавил, как хочется, чтобы они стали бы и «золотым фондом» нашего искусства. Ведь, воплощая такие образы наших современников на сцене и на экране, наше искусство явило бы всему миру силу и красоту советского человека, нашего образа жизни. Оно открыло бы не одно зрительское сердце жаждой высокого подражания. Жаждой совершенства!

Великая любовь к человеку, забота о красоте его внутреннего мира, о гармоническом развитии его личности одухотворяют наше творчество. И разве не об этом же говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Леонид Ильич Брежнев, определяя задачи советского искусства: «Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства — это и есть подлинная народность, подлинная партийность искусства».

В этом — счастье художника. В этом — великий наш долг перед матерью-Родиной. Ведь быть активным участником коммунистического строительства — это и значит делать счастливой свою жизнь и жизнь людей, народа!

И если все, что ты делаешь, освящено такой целью, если ты поверяешь ею каждую свою минуту сознательной жизни, тепло материнских рук Родины благословляет тебя, дает тебе крылья, дарит тебе все новые и новые творческие силы! Как давала силы античному герою Антею его мать-земля Гея...